

УДК 37.011.31-051«185/19»

В. М. Острога, кандидат исторических наук, доцент (БГТУ)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ УЧИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматривается общественно-политическое движение учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Показано, что система народного образования в данный период являлась мощным орудием политической борьбы. Раскрыта суть ограничительных мер со стороны властей в области кадровой политики, дана характеристика основных направлений общественно-политического движения учительства: участие в освободительном движении, кружковая и просветительская работа, организация съездов, обществ и др.

The article is dedicated to the teaching movement in Belarus of the second part of the XIXth century and the beginning of the XXth one. The system of public education is shown to be a powerful weapon of political struggle at that historical period. Restrictions typical for authorities of those days are described, as well as the characteristics of the main directions of social and political movement of teachers (their participation in the liberation movement, educational work, organization of summits and societies, etc.).

Введение. Школьная реформа середины XIX в. ставила своей целью приведение системы образования России и ее окраин в соответствие с социально-экономическими потребностями. Существенные качественные изменения не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в просвещении заставили правительство пересмотреть степень и характер своего участия в делах школы и привели в действие мощный фактор развития образования – общественно-педагогическое движение. Учительство как наиболее массовая часть интеллигенции являлось своеобразным зеркалом, отражающим сложные процессы социальной жизни и национально-освободительного движения.

Основная часть. После подавления восстания 1863–1864 гг. в Беларуси началась продолжительная полоса политической реакции, которая сопровождалась учреждением исключительных законов. Осуществляя школьную реформу 1860-х гг., царское правительство взяло курс на русификацию края. Характеризуя ситуацию в Северо-Западном крае, А. И. Миловидов отмечал, что «польскому чувству был дан полный простор для развития», поэтому школа края начала служить целям не просветительским, а прежде всего политическим и сделалась очагом революционного движения. Руководителем последнего был Виленский университет, ежегодно выпускавший «пропитанных полонизмом и фанатизированных учителей и дававший соответствующее направление запискам от него учебным заведениям» [1, с. 4].

Передовая общественность понимала, почему после восстания 1863–1864 гг. был поднят вопрос о народном образовании как о лучшем средстве для противодействия «польским начинаниям», почему были «привлечены для занятия учительских должностей лучшие русские силы с увольнением поляков». Новый попечи-

тель округа И. П. Корнилов в записке М. Н. Муравьеву «О замене польских учителей русскими» (12 июля 1864 г.) отмечал, что учителями из России должны быть заменены в первую очередь все преподаватели в гимназиях, прогимназиях и трехклассных уездных училищах, ибо «ежедневный опыт убеждает, что достаточно присутствия одного учителя-поляка, чтобы лишить педсоветы всякой силы и препятствовать взаимному доверию и обмену мнениями». Чиновники и служащие польского происхождения заменялись русскими, а училищное начальство должно было решать, «не являлось ли их дальнейшее пребывание в городах, где они состояли преподавателями, вредным для воспитания юношества» [2, с. 82].

Серьезные кадровые перестановки были сделаны и в Слуцкой гимназии. Директор Богусевский свидетельствовал, что «в среде учителей здешнего происхождения и учащихся заметно было заразительное влияние общества». Даже среди членов педсовета «не было полного единодушия, так как большинство состояло из поляков-реформаторов, нередко сочувствовавших восстанию». Вследствие этого «инспектор гимназии Герман был арестован по подозрению в подписке на революционные проповеди. Арестованный учитель математики коллежский асессор Миладовский был отправлен на жительство в г. Томск. Учитель географии губернский секретарь Домбровский за самовольную отлучку был исключен со службы и впоследствии сослан в Сибирь» [3, с. 120].

Кадровая политика была взята под особый контроль и в женских средних учебных заведениях. М. Н. Муравьев был убежден, что женские гимназии Западного края «сделались совершенно польскими училищами, где преобладает над всеми предметами польский язык, воспитанницы не умеют почти вовсе говорить

по-русски, надзирательницы состоят из лиц польского происхождения, преданных душой польской политико-религиозной пропаганде». От должности начальника Виленской женской гимназии отстранили «поляка Калиновского», были лишены места главная надзирательница полька Богдановичева и ее дочь Юзефа «как известные своим неблагонадежным направлением и участием в бывших политических манифестациях» [4, с. 22]. В этих случаях решение об увольнении и привлечении к ответственности принималось «незамедлительно».

Период 70–80-х гг. XIX в. был временем усиленного движения передовой интеллигенции «в народ». Студенты, врачи, учителя, разnochинцы направлялись из городов в деревни с двойной целью – непосредственного ознакомления с народом, с одной стороны, его просвещения и революционизирования, с другой. Известный педагог и общественный деятель Н. В. Чехов писал, что народное учительство явилось одной из самых подходящих форм для осуществления служения народу. Впервые в деревне появляется «представитель интеллигентного класса не как начальник или помещик-эксплуататор, а как простой работник в деле, которое нередко исполняли и крестьяне». Недоверие к пионерам этого движения со стороны крестьян очень скоро сменилось любовью и уважением. Это были «действительно хорошие и искренние, преданные своему делу учителя, каких наша начальная школа до тех пор не знала» [5, с. 171].

Педагоги прилагали усилия для сближения не только с крестьянами, но и с поместным дворянством. Так, А. Жонглович в 1873 г. устроился домашним учителем в одно из поместий Виленской губернии, где старался близко познакомиться с крестьянами. В беседах с ними он разоблачал сущность крестьянской реформы, гражданские и уголовные законы Российской империи, злоупотребление своим положением чиновничества и духовенства. Учитель надеялся привлечь к борьбе местных польских помещиков, но близкое знакомство с ними показало, что «шляхта давно растеряла свою былую революционность и уже не помышляла о вооруженной борьбе с царизмом».

В целом народническое движение по своему составу было движением интеллигенции, в котором, например, врачи, адвокаты, учителя составляли 13,6%, студенты – 16,6%, учащиеся средних учебных заведений – 25,1%. Нелегальные кружки молодежи были созданы почти во всех крупных городах Беларуси. Инициаторами их создания были в основном студенты высших учебных заведений – выходцы из Литвы и Беларуси. Как и все движения этого периода,

революционные кружки края не имели единого центра, общего плана деятельности и программы. Например, самым многочисленным из могилевских был кружок С. Езерского, в состав которого входила местная интеллигенция, в основном учителя. Среди учителей могилевских сельских училищ вел пропаганду В. В. Рюмин. Еще в 1874 г. он участвовал в студенческих беспорядках в Петербурге, за что был арестован. В 1877 г. В. В. Рюмин приехал в Могилев, познакомился со многими сельскими учителями и готовил кадры будущих агитаторов среди тех, кому уже не надо было искать место в деревне, заводить знакомства и авторитет среди крестьян, так как они давно жили среди них и учили их детей.

Что же касается нелегальных кружков в условиях правительственной реакции, то они создавались не в среде работающих педагогов, а в педагогических учебных заведениях, которые жили «двойной жизнью»: официальной, казенной и неофициальной – общественно-политической. А. Е. Богданович в своих неопубликованных воспоминаниях писал, что он и его друзья, окончившие в 1882 г. Несвижскую учительскую семинарию и занимавшиеся там в нелегальном образовательном кружке, вели работу по заранее составленному плану среди крестьян тех деревень, в которых учительствовали. Первым шагом была организация народных чтений на темы, интересовавшие крестьян, а затем, заручившись доверием и наметив более развитых и решительных, вели отдельно пропаганду с социалистическим и революционным уклоном, что «выходило за пределы одобряемого начальством» [6, с. 73, 87].

Общественная деятельность учителей регулировалась изданными в Виленском учебном округе инструкциями. Они не должны были ни прямо, ни косвенно вмешиваться в дела, которые не относились к их обязанностям. Например, сельским учителям запрещалось писать просьбы и жалобы от имени крестьян. В основной своей массе учителя именно так и поступали, но наиболее активные не стояли в стороне от проблем деревни, помогали участвовать в учреждениях мелкого кредита, присутствовали на «мужицких» собраниях. Так, в Черноруцкой волости Могилевского уезда было созвано собрание для составления приговора о разделе земли на хуторские участки. Крестьяне уже согласились с этим, но изменили свое решение под влиянием учителя Д. М. Рущкого, который служил там 10 лет и пользовался среди крестьян авторитетом [7, л. 243]. 1 августа 1906 г. учитель школы грамоты д. Ломы Полоцкого уезда Т. Я. Мищенко обратился с речью к собравшимся на ярмарке в с. Чайки крестьянам,

призывая их не платить налоги, не выполнять воинскую повинность, разгромить квартиру урядника и винную лавку и убить находившихся на ярмарке трех урядников. По факту этого дела было произведено дознание, а по приговору суда ратник Мищенко «призван на действительную военную службу и отправлен в 90-ю низшую ополченскую дружину в г. Варшаву» [8, л. 1, 15].

Вместе с тем серьезные недостатки в развитии системы образования, социальный статус учительства не означали, что педагоги видели альтернативу сложившемуся положению исключительно в революционном преобразовании общества в целом и школы в частности. Откровенная революционность не была свойственна подавляющему большинству учителей, что объясняется следующими причинами. Участие в разрушительных революционных процессах противоречило специфике деятельности педагогов, их задача была противоположной: формирование комплекса знаний у своих воспитанников. Революционная борьба являлась наименее гибкой среди прочих многочисленных форм участия в общественной жизни страны. Наконец, революционная деятельность была антигосударственной и, следовательно, незаконной. Учителя, находившиеся на государственной службе, в подавляющем своем большинстве предпочитали соблюдать законность [9, с. 68].

Руководство учебным округом строго отсележивало умонастроения учительства: во время назначения на должность требовались справки от местных губернаторов о «политической благонадежности», а дирекции брали письменные клятвенные обещания во всем подчиняться начальству, «быть неизменно преданными Российскому государству», «верно служить ему до последней капли крови» [10, л. 1].

Из канцелярий правительственных учреждений начальникам учебных заведений поступали циркуляры, которые запрещали учителям всякую политическую активность: «Должностным лицам, как состоящим на государственной службе, так и вольнонаемным, воспрещается всякое участие в политических партиях, обществах и союзах не только явно революционных, но и таких, которые хотя и не открыто причисляют себя к революционным, тем не менее в программах своих, в воззваниях своих вожаков и в других проявлениях своей деятельности обнаруживают стремление к борьбе с правительством». Учителя, принимавшие участие во враждебных власти организациях или замеченные в «противогосударственной агитации», немедленно увольнялись со службы и в отношении их «должно быть возбуждаемо судебное преследование» [11, л. 99].

Общественно-педагогическая деятельность учительства по своему характеру была либеральной. Она проявлялась в стремлении освободить школу от рутины, сделать ее более демократичной, внедрить передовой опыт стран Запада. Организовав Всероссийский учительский союз, педагоги нашли выход для своей политической активности. Министерство, признав этот союз незаконным, требовало от них «воздержания от участия в каких бы то ни было союзах». Замеченных в принадлежности к организации снимали с работы и арестовывали по обвинению в политических преступлениях.

В материалах работы I Государственной Думы сохранилось заявление от 14 июня 1906 г. в связи с массовыми увольнениями учителей, обвиненных в причастности к революционной деятельности: «Только из среды членов Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию число лиц, насильственно устраненных из школы, достигает в настоящее время, по сведениям бюро союза, уже 702. Из них 141 учитель уволен, остальные или арестованы, или высланы в отдаленные места. Многие из учащих пострадали только за принадлежность их к союзу» [5, с. 222].

Во время революции проводились нелегальные учительские съезды: в Могилевской и Гродненской губерниях (1905 г.), в январе 1906 г. по инициативе учительницы А. Политовой в Виленской губернии, где обсуждалось материальное и правовое положение народного учителя, уровень учебно-воспитательной работы в учительских семинариях и народных школах. В мае 1906 г. учителя Витебской губернии провели аналогичный съезд, на котором был поставлен вопрос о необходимости объединения. В июле 1906 г. в с. Николаевщина проходил съезд педагогов, которые собрались в помещении местного училища, где полицией был найден «Протокол заседания» и обращение «Товарищи учителя». Арестовали 16 народных учителей (среди них К. Мицкевич, С. Самохвал, И. Лапцевич, А. Милюк, А. Войтеховский и др.). В 1908 г. по приговору Виленской судебной палаты учителей К. Мицкевича, Я. Безмена и В. Сильвестрова осудили на три года лишения свободы [12, л. 4–36].

Несмотря на все сложности, белорусский учительский союз все же был создан 25 мая 1907 г. на съезде в Вильне. В принятой программе основными задачами определялись борьба за организацию школьного дела на демократической основе, обучение на родном языке, независимость школы и учительства от начальства.

В период реакции, которая наступила после разгона II Государственной Думы, министерство принимало меры, чтобы очистить школы от

нежелательных учителей и установить над школой самый тщательный контроль. В 1910 г. виленский губернатор во время поездок «определил особый тип сельского учителя, характерные особенности которого наводили на размышление». Раскрывая эти новые черты в настроениях и поведении педагогов, губернатор сделал вывод, что «влияние их на окружающую среду может принести огромный вред» [13, с. 270].

Общественно-политическое движение конца XIX – начала XX в. было значительно шире и организованнее. Важнейшим его проявлением стало создание передовыми кругами учителя педагогических обществ взаимопомощи. В Российской империи в 1895 г. их было 14. В декабре 1897 г. было основано первое в Беларуси «Общество взаимопомощи учителям и учительницам Витебской губернии», а в 1901 г. такие же организации появились в Минске, Могилеве и Гродно.

В 1911 г. на заседании Государственной Думы, обсуждавшей законопроект о начальной школе, депутат Крупенский с целью доказать «зараженность» учителей начальных школ революционными идеями, назвал цифру – 23 тыс. учителей, привлеченных к ответственности во время так называемого освободительного движения. Среди них были казенные, отправленные в ссылку, а также просто уволенные без права возвращаться к прежней работе. Если допустить, что цифра осужденных преувеличена, то все же она ясно говорит о том, какими решительными мерами министерство искореняло антиправительственное настроение среди педагогических кадров.

Заключение. Таким образом, начавшийся в России промышленный переворот, вызванный к жизни объективными социально-экономическими закономерностями развития страны, поставил в порядок дня борьбу за широкое реформирование народного образования. Развернувшееся общественно-политическое движение педагогической интеллигенции, которая не оставалась равнодушной к острым проблемам жизни самых широких слоев населения, его борьбе за социальное и национальное освобождение, значительно ускорило этот процесс. Царское правительство вынуждено было пойти на частичное удовлетворение требований мощного общественно-педагогического движения. Одновременно передовые педагоги энергично участвовали в подготовке преобразований школы, выступали инициаторами создания ее новых звеньев, нейтрализовывали многие реакционные мероприятия

правительства и учреждали просветительские общества и организации.

Литература

1. Миловидов, А. И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 года и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам) / А. И. Миловидов. – Вильна: Тип. «Русский почин», 1904. – 39 с.
2. Корнилов, И. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы по истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху / И. Корнилов. – СПб.: Тип. А. Суворина, 1908. – Вып. 1. – 504 с.
3. Глебов, И. А. Историческая записка о Слуцкой гимназии с 1617–1901 гг. / И. А. Глебов. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1903. – 217 с.
4. Киприанович, Г. Я. К истории женского образования в Западной России / Г. Я. Киприанович. – Вильна: Губ. тип., 1910. – 68 с.
5. Константинов, Н. А. Очерки по истории начального образования в России / Н. А. Константинов, В. Я. Струминской. – М.: Учпедгиз, 1953. – 272 с.
6. Самбук, С. М. Революционные народники Белоруссии (70-е – начало 80-х годов XIX в.) / С. М. Самбук. – Минск: Наука и техника, 1972. – 248 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2254. – Оп. 1. – Д. 592. Дирекция народных училищ Могилевской губернии.
8. НИАБ. – Фонд 2499. – Оп. 1. – Д. 60. Дело о производстве дознания.
9. Сучков, И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX веков / И. В. Сучков // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 62–77.
10. НИАБ. – Фонд 2608. – Оп. 1. – Д. 25. Личное дело директора гимназии действительного статского советника Еленева А. С.
11. НИАБ. – Фонд 2263. – Оп. 1. – Д. 25. Циркуляры канцелярии по учреждениям императрицы Марии.
12. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 2. Коллекция документов отдела рукописей Белорусского музея имени Ивана Луцкевича в г. Вильна.
13. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917): в 3 т. / под ред. В. Н. Перцева [и др.]. – Минск: Изд-во АН БССР, 1953. – Т. III. – 1018 с.

Поступила 15.03.2012